

ВОЛШЕБНЫЕ УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ

УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ

Сборник
Украинские сказки

«Седьмая книга»

Сборник

Украинские сказки / Сборник — «Седьмая книга»,

Украинская сказка живет не в ограниченном, а в широком, поистине космическом пространстве, если под космосом понимать не только Вселенную, но и – гармонию, противостоящую хаосу – именно так трактовали слово «космос» древние. Имеется в виду не только небывалая сила героев, их волшебные возможности, общение с силами природы, с Солнцем, Луной, Ветром, но и само по себе множество волшебных сказок о животных и о природе, которых в Украине бытует как нигде более у славян.

Содержание

Жил-был пес	6
Холод, голод и засуха	8
Парубок и сундук-самолёт	12
Мужик болтанский, богатырь басурманский	14
Про богатыря Сверхдуба	19
Ох	27
Летучий корабль	32
Иван Найда	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Украинские сказки

© 2012 г. Издательство «Седьмая книга». Перевод, составление и редакция.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Жил-был пес

Жил-был когда-то у крестьянина пес с именем Серко. Жил и однажды состарился. Увидел хозяин, что нечего от пса толку ждать, ну и погнал его однажды утром со двора.

Целый день скитался Серко в поисках пищи, да так и не отыскал ничего. Поздно вечером, устав окончательно, расположился в ближайшем лесочке на пенёчке и загоревал – похоже, что ему осталось лишь волком завывать да помирать в одиночестве с голоду.

Внезапно из-за кустов появился волк и спрашивает Серко:

– Отчего это ты здесь по ночам бродишь, а не спишь у себя в будке?

Пёс и говорит:

– Прогнал меня хозяин, братец, вот и брожу.

– Прогнал, значит? Ну, не печалься, – отвечал волк. – Хочешь, помогу тебе обратно к хозяину вернуться?

Серко отвечает:

– Помоги, голубчик, а я уж отблагодарю как смогу.

Волк говорит:

– Ну, слушай: завтра утром, когда выйдут хозяин с хозяйкой жать, и оставит жена своего дитя под копной, ты в это время рядом похаживай, дабы знать мне, где оно; ухвачу я ребёнка, а ты отымать примешься, на что я «испугаюсь» и брошу его.

Вот назавтра вышли хозяин да жена его в поле. Хозяйка положила ребёнка под копной, и стала жать возле мужа. Смотрит – вдруг, откуда ни возьмись волк, бежит по житу, хватая дитя и уносит в поле. Закричала она, заголосила, а потом видит – Серко бежит.

Погнался пёс за волком, догнал его, кое-как, «отбил» дитя и доставил хозяину в целости и сохранности. Подобрел тогда хозяин к выгнанному им псу, вынул из торбы кусок хлеба да сала и промолвил:

– На, Серко, угощайся – за то, что не позволил волку ребёнком угоститься!

Вот вечером, уж ехали с поля, взяли и Серко с собой. Как домой вернулись, хозяин сказал:

– Навари-ка, хозяйка, галушек из гречки, салом приправленных, да побольше!

Как только они были сварены, усадил хозяин своего Серко за стол и сам рядом сел, приговаривая:

– Подавай, жинка, галушки, станем ужинать.

Хозяйка наложила. Накладывает он и Серку в тарелку, угодить старается, чтоб пёс ненароком не обжегся горячим!

А пёс думает: «Ловко все получилось! Нужно будет братца-волка отблагодарить за его услугу».

Зажил Серко по-старому на хозяйских харчах, а тут хозяин решил дочку замуж выдать. Пошёл Серко в лес, отыскал там волка и говорит ему:

– Заходи братец, в воскресенье на огород хозяйский, впущу я тебя в нашу хату: отблагодарить хочу за услугу.

Волк дождался дня назначенного, пришел на место, о котором Серко говорил. Тогда-то как раз хозяин и справлял дочкину свадьбу. Серко открыл волку, завел его в жилище незаметно, наказал ему тихо под столом сидеть. Схватил пёс со стола бутылку с горилкой, здоровый кусок мяса и кинул под стол; порывались гости за это собаку побить. Но хозяин заступился:

– Не трогайте пса моего: Серко мне так услужил, что я ему буду до конца жизни добром отплачивать.

Хватает Серко всё лучшее, что на столе подано, передает незаметно волку. Накормил да напоил волка так, что тот не сдержался и сказал:

– Сейчас спою!

А Серко переживает:

– Не надо братец: беда случится! Возьми лучше ещё бутылку горилки от меня, но только сиди молча.

Выпил волк бутылку горилки и говорит:

– Всё, теперь уж точно спою!

И как завыл под столом!

А как услышали люди волка в хате, сразу паника поднялась. Кто кинулся из хаты, кто – волка лупить. И Серко залаял да зарычал «страшно», да и на волка «навалился», как будто задушить задумал. Хозяин кричит:

– Не смейте волка бить, не то и Серко случайно убьете! Мой пёс и сам с ним справится!

Тут изобразили Серко и волк жестокую «схватку», в этой заварушке «выгнал» пёс друга своего из хаты, после чего и сам за ним «погнался».

А когда они были уже далеко от хаты, Серко говорит волку:

– Ну, услужил ты мне, братец, ну и я тебе добром отблагодарил.

На том и распрощались.

Холод, голод и засуха

Жил-был однажды на свете царь, и была у него дочка, к которой никто не мог подступиться.

И тут объявился один принц с дальних земель. Пустился принц в дорогу, вышел, шёл-шёл, смотрит – а на пути человек лежит. Господи! При таком жарком солнце он укутался в тулуп и вопит о том, что замерз.

– Ты кто такой будешь, человече?

– Я – Холод.

– А не хотел бы ты, Холод, ко мне наняться?

– Чего ж нет, можно.

– Ну, пойдём.

– Ладно!

Вот и пошли вдвоём. Идут, они идут, смотрят – лежит на дороге ещё один, рядом хлебов множество, а он кричит, что с голоду умирает. Спрашивает принц его:

– Ты кто такой, добрый человек?

– Я Голод.

– А не хотел бы ты, Голод, ко мне наняться?

– Чего ж нет, наймусь.

Вот уже стало у принца двое. Продолжают они путь уже втроем. Тут человек у самой реки лежит и кричит:

– Не позволяйте, люди добрые, помереть от жажды!

– А ты кем будешь, добрый человек?

– Я – Засуха.

– А что ж ты кричишь, когда у самой реки лежишь?

Засуха и отвечает:

– Эх-эх! Просто мне этого мало: могу всю реку враз выпить, и то бы мало было.

Отвечает принц:

– Нанимайся ко мне, вместе веселее будет!

– Наймусь.

Вот и стало у него трое. Пошли дальше, идут и идут; приходят, наконец, в далёкую землю, тот царь правит.

Доложили царю, что прибыли, мол, такие-то, такие-то, какой-то принц за принцессой. Отвечал царь:

– Ладно, позовите-ка его сюда.

Позвали принца туда; стал царь его угощать, Понял, что это принц и спрашивает:

– Ты зачем пожаловал?

– Я, кавалер, прибыл принцессу сватать.

Царь ему на это отвечал:

– Ну что ж, отдам я тебе принцессу, если выполнишь три задания, что дам тебе. Берешься за это?

– Берусь.

– Но если не выполнишь, то смертью наказан будешь.

– А ежели, – говорит, – выполню, чем тогда со мной рассчитаешься?

– Сможешь взять тогда мою принцессу в жены.

Погостил принц, как полагалось, после чего царь велел своим слугам, зарезать для принца к обеду сто быков. Слуги быстро выполнили всё, и обед сварили, триста здоровых хлебов напекли, сто кадушек воды принесли. Когда всё было готово, позвали принца:

– Ну, иди, коли все это в обед съешь, принцессу царскую получишь.

Принц и спрашивает царя:

– Все ли у них готово и все ли у них в порядке?

Отвечал царь, что готово. Принц пошел к столам накрытым, стоит, смотрит пригорюнившись, спрашивает у Голода:

– Как же нам быть, кто же съест всё это добро?

– Хе! хе! Да мне такого и на один обед мало, здесь и облизнуться-то нечем.

И как принялся Голод есть, как набросился на еду, все до крошки подобрал и кричит, чтоб еще подавали. Послали к царю.

– Пресветлейший монарх! Так уплелось, так поелось, что только косточки остались, и кричат, ещё требуют.

– Дайте ему кадушки с водой, коли выпьет все, пускай забирает принцессу мою.

Снова пригорюнился принц.

– Оставь, не тужи, – отвечал ему Засуха, – я как стану сушить, враз обручи поспадают, осушу всё и всё выпью!

Осушил, одну за одной, все кадушки, да еще и кричит слугам царским:

– Подавайте воды, от жажды пропадаю!

Послали к царю.

– Царь, принц все сто кадушек воды высушил, что прямо обручи поспали: настолько высохли.

Молвит царь:

– Если эту воду выпил, значит и всю из моря выпьет! – И отвечает своим слугам: – Имеется у меня печь железная, так разожгите ее докрасна, чтобы повсюду искры сыпались, пусть там ночуют, вот и сгорят дотла.

Посмотрел принц, где ему ночевать придется, ещё больше опечалился.

– Ну что ж, – говорит он слугам своим, – теперь-то нам точно конец!

А слуги царские стоят, улыбаются принцу:

– Здесь вам постель застелена, ложитесь да засыпайте, господа хорошие.

Стоит принц, смотрит печально на печь, где ему, похоже сгореть придется, а Холод стоит, улыбается, говорит принцу:

– Не тужи, принц, не печалься, я так морозом по этой печурке ударю, что придется всем нам еще укрываться и укутываться, чтобы не замёрзнуть ночью.

Напустил Холод морозу в печь, да так, что всю ее инеем покрыло. Забрались все вчетвером в печь и давай орать:

– Спасите!! Не позволяйте замерзнуть и погибнуть!

Тут уж царь по-настоящему испугался, понял он, что поделаться ничем не сможет, ведь условлено было, что если принц выполнит три задания, то возьмёт принцессу в жены.

Говорит царь принцу:

– Принц! Победил ты, получай принцессу в жены, но если сделаешь мне ещё одну работу для меня, то получишь в придачу еще всё моё царство.

Принц спрашивает:

– А что же за работа?

Царь говорит:

– Имеется у меня замок, да такой, что никто не может переночевать в нём, – вот если сумеешь три ночи провести там, то я тебе все своё царство отпишу.

– Ну что ж, согласен, – отвечал принц.

Условились принц с царём насчет царства, и повёл его царь замок показать, в котором принцу три ночи предстоит ночевать. А в том замке – сто заклятых чертей обитало, и каждую полночь являются все они и начинают играть и плясать до рассвета. Отправился принц со

своими слугами под вечер к замку с чертями, взял с собой четыре свечки и четыре колпачка. Заходят они в замок, зажигают свечи и сразу накрывают их колпачками, чтобы не погасли.

В полночь задрожала земля под замком от страшного грохота. Смотрят они в окна, а там такая компания чертей идет, что замок сам ходуном ходит, будто на воде, – и все черти еще играют и пляшут. Заходят черти в замок, а там принц со слугами своими сидит за столом, смотрит на них. Спрашивают его черти:

– Ты кто такой, и зачем в наш в замок пожаловал?

Отвечал им принц:

– Хочу из этого замка построить другой дворец, так что вам тут теперь нечего делать.

Тут Холод как ударил морозом, что все черти залязгали зубами. Начали приглашать черти принца на танцы и на ужин, только тот ничего не хочет: сидит только перед свечкой, а Холод ходит да морозом веет так, что и стоять невыносимо. Говорят тогда черти:

– Пресветлейший принц! Чего ты от нас ни потребовал бы, мы все выполним, только не нужно гнать нас из этого замка.

– Всё, теперь уж вам ничего не поможет. Всех вас чертей уничтожить намерен!

Тут как набросятся на него все сто чертей, а принц вместе с Засухой и Голодом стал рубить их и крушить – половина лишь осталась. А когда петухи первые пропели, тут они и исчезли.

На следующую ночь явилось чертей еще больше, чем раньше, все опять шумно играют, орут и поют страшно. А был среди тех чертей один хромой черт, и дал он принцу трость волшебную.

– Бери ее, принц, но меня не бей, они все надо мной издеваться любят, потому что в подчиненье я, но ты, только этой тростью ударишь, сразу каждый из них тебе покорится.

Взял принц трость и сидит на чертей смотрит.

А чертей все прибывает, налезло столько, что во всём замке не протолкнуться, – и все собрались принца убить.

Как схватил принц волшебную трость, да как стал бить чертей, как начал лупить их: уж так отделал их, что и вовсе никого бить не осталось, всем следовало ему покориться. Заорали черти:

– Пресветлейший принц! Чего ты от нас ни потребовал бы, мы всё для тебя выполним, только не отнимай у нас замок!

– Нет уж, вам теперь ничего не сможет помочь, мне следует его отобрать и другой дворец построить!

Погасла одна свечка, принц снял колпачок и с другой – только две свечи осталось; окружают принца черти, а хромой черт шепчет ему:

– Пресветлейший принц! Я смогу помочь тебе, ты только не бей меня; что хочешь, для тебя исполню, не бойся, ничего тебе не сделаю, зато ты всех чертей сможешь из замка прогнать.

Пришёл принц со своими слугами третьей ночью в замке коротать; в полночь опять явилась толпа чертей, да еще, пуще прежней, лишь только прибыли, уселись на крыше, галдят, никак не могут договориться. Снова заходит к принцу хромой черт, подает принцу грозный арапник: ежели кого им ударить, то рассечешь надвое.

Вслед за хромым чертом явились и остальные черти, молвят принцу:

– Принц, отдадим мы тебе что угодно – и серебро, и золото, и бриллианты, только покинь ты наш замок; поговаривают, за морем красным живет принцесса, да такая прекрасная, что весь мир обойдешь, а такой красавицы и не сыщешь нигде; если желаешь, тебе мы её принесем.

Принц дал согласие на это:

– Но вас оставляю в покое только в случае, если она полюбится мне: моя мне не по нраву.

Взяли черти принцессу и, как было обещано, доставили ее в замок. А у принцессы той златы волосы и златы ступни, а глаза жемчугом сияют, когда плакать хочет. Принц настолько утешился и обрадовался, что сказал чертям:

– Коли мне так угодили, то может, теперь, и уступаю замок вам.

И снова заговорил с ним хромой:

– Послушай, принц, имеется здесь еще такой палаш волшебный, что может столько войска порубить, сколько можешь глазом окинуть; ты не должен уходить из замка, пока они этот палаш тебе не отдадут.

И когда сошлись черти, принц говорит им:

– Уступлю вам этот замок, только отдайте мне спрятанный здесь палаш.

Черти отказались отдать принцу волшебный палаш; тогда стал он их всех арапником бить. И сказал опять хромой черт:

– Когда они слабеют, то идут получать силу у волшебной кадки с сильной водой, и тогда нет их в мире сильнее: весь мир могут одолеть.

Показал хромой черт принцу, где в замке волшебная кадка с сильной водой хранится, попил принц из нее один раз – сделался сильнее, второй раз – еще сильнее, а в третий раз – сильнее всех. Говорит ему хромой черт:

– Ещё такая вода здесь есть, что как захочешь себе солдата, то просто брызни позади, и он появится. Ну, принц, вот я и сделал всё против тех, кто надо мной издевался.

Начал принц возле кадки волшебной водой брызгать – столько себе солдат наделал, что и не было конца им видно. И всё оружие для боя нужное в замке имелось.

Окружил принц войском своим замок, и недолго думая, стал бить чертей – всех прогнал, только хромого оставил. И сказал ему хромой черт:

– Ну, а коли, вдруг однажды погибнешь ты, я приду на помощь тебе и оживлю тебя.

И стал писать принц царю, чтобы завтра в седьмом часу готовился к бою.

«Во дурак-то! – думает про себя царь. – Чего он мне сотворит? У меня целое войско, а он в замке с чертями, и никто знает, выйдет ли он живым вообще оттуда!» – И ответил царь, что может с ним сейчас же сражаться.

Выходит царь в назначенное время на поле, куда принц велел, со всем своим войском. Является и принц, а с ним кадочка воды волшебной, начал он брызгать водичкой из нее, и посыпалось на поле битвы войско, и не было ему ни конца, ни краю. Увидав такое войско, царь испугался, ведь каждый воин принца был в красном мундире, похожем, знаете, на кармазин. Стало наступать войско принца, а принц еще и сам палашом да арапником волшебными помахивает, войско царское крошит, и вскоре царь был окружен. Говорит ему принц: «Трижды, в трёх местах, пытался ты, царь, жизни меня лишить, когда я тебя – только раз». Не пожелал принц брать его принцессу, а забрал себе царство и остался в том заколдованном замке жить с принцессой своей златовлаской и царством править.

Парубок и сундук-самолёт

Жили-были два парубка: один ткач, другой столяр, посватались они к одной дивчине. Как-то раз говорит им дивчина:

– За обоих я пойти не могу, – и сказала столяру: – Ты сделаешь мне сундук, чтобы в воздухе летал, а ткач пусть выткет сорочку, да такую, чтобы цельной была вся (какими чулки вяжутся).

Промолвила это дивчина, парубки и ушли.

Пришел ткач домой и думает, как бы ему заказанную сорочку сделать. И припомнил он, как делаются евреями цельные чулки, выполнил такую фигуру себе из дерева и сплел сорочку.

А столяр выполнил сундук, кузнец ему его оковал; ежели влезть внутрь и покрутить специальные ручки, так он сам и полетит по воздуху. Парубки принесли свои дары, дивчине очень понравились. Поглядела она на сорочку, увидала, что она цельная, подумала, и согласилась за ткача замуж пойти.

Потом, посмотрела на сундук, не зная, полетит ли по воздуху.

Столяр твердит ткачу:

– Полезай ты!

А ткач столяру:

– Нет уж, ты полезай-ка!

Ни один, ни другой не хотят залезать в сундук. Ткач – глупый, взял да и влез, покрутил внутри ручку и поднялся над землёй на целую тысячу аршин. А назад к дивчине вовсе не вернулся. Когда улетел он, она и вышла за столяра.

А ткач летел всю неделю и приземлился, в конце концов, на скирду сена. Как вечер пришёл, увидел он свет, недалеко лежавшего города, покрутил ещё ручку и полетел прямо на огни. Это оказался дворец, где жил король и его настолько прекрасная дочка, что король каждую ночь подальше от беды уводил принцессу на самый верхний этаж дворца.

Вот как подлетел ткач в сундуке к окну, стучится, а она спрашивает:

– Это кто такой?

– Святой Петр, прислан богом тебе для утех.

Поговорил ткач с девушкой и улетел. А на следующий вечер снова прилетел к окошку. Ещё на другой вечер принцесса всё как следует приготовила: напоила Петро и накормила. Напился он, наелся, и спросил, не позволит ли ему отец на девушке жениться, потом и улетел.

Когда подошло утро, король спросил дочь:

– Отчего ты так весела? Не посещал ли кто тебя ночью?

А она говорит:

– Приходил ко мне святой Петро, спрашивался, не дозволит ли отец замуж за него пойти.

Отец девушке отвечает:

– Как могу я выдать дочь за него, когда она с сыном соседнего короля уже обручена? Если разрешу ему жениться на тебе, соседний король сразу же станет со мной воевать. Спроси Петро на следующую ночь, в силах ли он оказать совет мне и подмогу, коли женится? Ведь я, послабее того короля.

Вот когда прилетел ткач ночью; принцесса рассказала ему о вопросе батьковом, а он говорит:

– Хорошо, я смогу и посоветовать и помощь оказать.

И выдаёт тогда король свою дочь замуж за Петро.

Когда узнал король соседнего королевства, что принцесса уже отдана замуж, сразу начал войну.

Собрались уже оба короля воевать, а тот другой посильней был, войска гораздо больше имел, чем этот; когда король и молвит зятю:

– Ну, зять, что же теперь делать?

– Не бояться, – говорит Петро, – тату, выходить воевать.

А сам Петро дома остался, подогрел большие котлы с горячей водой и маслом, после вылетел на противника. И когда начал Петро поливать сверху горячей водой с горячим маслом тогда король признал:

– Видать, правда, что это святой Петр: с неба нас карает.

Так был заключён мир и прекращена война.

Но через некоторое время король соседний говорит:

– Чего ж я должен такому дурню уступить?

И начал новую войну.

Король стал спрашивать зятя:

– Ну, зять, что теперь посоветуешь делать?

Петро и отвечает:

– Снова выходите на войну, я помогу.

Вышли короли воевать, когда Петро наполнил сундук горящими углями и вылетел на противника. И как стал с неба жаром посыпать, так поспешили соседи мир заключать. Сказали они:

– Видать, правда: это святой Петро!

Снова прекратили войну. Прошло около полугода, тут тот король, что посильней, снова говорит:

– Нет, все-таки эдакому дурню, уступать не буду.

И снова пишет, что придёт с войной. Петро ж, как узнал о письме, очень пригорюнился, потому как прилетев с войны домой, оставил он в сундуке здоровый кусок угля, и от него крылья, на которых Петро летал, сгорели. Когда вышли короли на войну, сказал Петро достать ему коня, но без седла и без уздечки. Сел на коня и наказал связать свои ноги снизу под животом коня, выехал в поле, готовясь, что конь там его убьет, – ведь нечем теперь в третьей войне защищаться. Гонялся конь с Петро по полю, и захотел Петро добраться до леса. Так думал: «Как только конь будет бежать мимо дерева, я схвачусь за него руками, а ноги мои привязаны к лошади будут, тогда она меня и разорвет».

А конь стал скакать напрямик на войну, а в лес не побежал. Мчался конь мимо поля, а на дороге стояло старое распятие; когда конь скакал мимо него, Петро ухватился за распятие руками, надеясь, что уж теперь смерть ему точно будет. А распятие внизу подгнило и отломилось, и ринулся Петро с ним. И стал крушить противника распятием – крестом в один бок, основанием – в другой. Так пролетел несколько раз он по рядам противника да и перебил большую часть войска. Увидел неприятель, что дело нешуточное, и поспешил мир заключать, так как закончились солдаты, кем теперь воевать-то. И сказал соседний король:

– Это мне дурню, знак: зять у соседа на самом деле святой Петр; три раза с ним начинал я воевать в надежде победить, но не смог, ведь меня он с самого неба карал.

После всего этого остался бедняк принцем у короля жить.

Вот и всё...

Мужик болтанский, богатырь басурманский

Жил мужичок один убогий, и снял он четверть под озимые. Когда подошло время рожь сеять, батраки заговорили: один – пять рублей подавай, а другой – четверть горилки покупай. Мужик подумал, подумал, да и раздумал.

– Что ж, – сказал, – пять рублей я отдам либо четвертину куплю... Нет уж, дорого будет. – Отправился он на ярмарку, да и сторговал себе кобылу, отдав три золотых за нее и ещё десять грошей.

Когда купил он эту кобылку, то смастерил соху и отправился пахать. А четверть его у самого леса была. Только стал он пахать, начали на кобылу комары с оводами наседать: за бока кусать, пахать не давать; тут мужик лошадь накрыл рядом, но поднялся ветер и рядом скинул. Ухватил мужичок его, ударил по коню и прибил тридцать оводов и не счесть сколько комаров. Остановился он, глядит и думает: «Что ж мне теперь печалиться, я и сам стал такой богатырь, что с одного лишь маху тридцать богатырей прихлопнул, а мелкой силе вообще счету нет». Вот и решил он в себе: «Отправлюсь-ка я странствовать по миру, сидеть на печи дома и сверчков слушать наскучило». Заложив топор за пояс, накинул он рядом на свою кобылку, сел и уехал. Вот мужичок и едет себе, подъехал к распутью, а там столб стоит. Подумал он, подумал, слез с лошади, к столбу подошел и написал табличку (мужичок грамотным был). А написал, значит, вот такое: «Проезжал мимо мужик болтанский, богатырь басурманский – с одного маху сразу тридцать богатырей положил, и мелкой силе вовсе счету нет», – и дальше себе отправился.

Тут бежит Бова Королевич, наехал на столб тот, глядит на табличку и думает: «Что ж это такое? Проезжал мимо мужик болтанский, богатырь басурманский – с одного маху сразу тридцать богатырей положил, и мелкой силе вовсе счету нет. Нет сильнее никого на свете против нас троих богатырей, меня, Яруслана Лазаревича да Ильи Муромца, а тут вот видишь, и посильней нашелся». Вот и стал он по той дороге гнать. Гнался, гнался он, смотрит – скачет какой-то мужичок, да на такой кобылке, что одна лишь шкура болтается, и косточки гнутся. Говорит тогда Бова Королевич:

– Здорово, мужичок!

Тот и отвечал:

– Здорово!

– А это не ты ли, – говорит, – мужик болтанский, богатырь басурманский, что с одного маху сразу тридцать богатырей положил, а мелкой силе вовсе счету нет?

Мужичок отвечал:

– Я.

– Тогда не гневайся на меня, что мужичком кликал.

– А ты кто таков? – спросил мужичок.

– Бова Королевич.

– Тогда становись рядом, вместе поедem.

Теперь бежал Яруслан Лазаревич, глядь на тот столб и молвит:

– Что ж оно такое? Не сыщешь сильнее против нас двоих, а получается, этот посильнее будет, одного маху сразу тридцать богатырей положил, и мелкой силе вовсе счету нет.

Как прочитал он надпись и давай гнать лошадь, потом догнал.

– Здорово, – сказал, – Бова Королевич! Что это ты с мужичком рядом едешь?

Тот и отвечал:

– Молчи!

Тут Яруслан догадался и спросил мужичка:

– А не ты ли, – спрашивает, – будешь мужик болтанский, богатырь басурманский, что с одного маху сразу тридцать богатырей положил, и мелкой силе вовсе счету нет?

Тот и отвечал:

– Я буду.

– Тогда не злитесь, что мужичком называл.

– А ты кто таков? – спросил мужичок.

– Ярослав Лазаревич я.

– Тогда вставай в ряд, у правой руки, поедешь!

И поехали они.

Бежал и Илья Муромец, и прочитал на столбе.

– Господи, – молвил, – нет ведь сильнее никого против меня, а этот вот посильней будет – с одного-то маху сразу тридцать богатырей положил, и мелкой силе вовсе счету нет.

И как стал коня гнать, догнал богатырей.

– Чего это вы, – спросил, – с мужичком идёте? А те отвечали:

– Тихо, Илья, лучше помалкивай!

Тогда и он догадался, спросил мужичка:

– А это не ты ли мужик болтанский, богатырь басурманский, что с одного маху сразу тридцать богатырей положил, и мелкой силе вовсе счету нет?

И тот отвечал:

– Я.

– Тогда прощения просим, что мужичком называл.

– А ты кто? – спросил мужичок.

– Илья Муромец, сильнее всех богатырей в мире.

– Тогда становись в середину!

Вот поехали. И решили теперь три богатыря отправиться в Дикие степи, где живёт такая царевна, что кто доедет до неё, тот и замуж возьмет. Ехали они, ехали, приехали в Дикое поле, поставили три куреня с тремя флагами. Мужичок снял с лошади рядно, пустил пастись коня, сам рядом накрылся и спать прилёг.

Поглядела царевна в трубу подзорную, говорит князьям своим:

– В степи мои едут три богатыря, подняли три флага. Отправьте, – говорит своим князьям, – шесть богатырей, шестерых зверей, и мелкой силе чтоб и вовсе счету не было, и пусть они тех богатырей разобьют, ну а мне головы привезут напоказ.

Князья мгновенно войско нарядили и в степь отрядили.

Бова Королевич глянул в трубу и сказал товарищам:

– Что ж делать? Выступило против нас шесть богатырей, шестеро зверей, а мелкую силу и вовсе не счесть!

Товарищи отвечали:

– Спросим-ка у мужика.

Пришёл Бова Королевич к нашему мужичку и просит:

– Мужик болтанский, богатырь басурманский, дайте совет нам: едут против нас шесть богатырей, шестеро зверей, а мелкую силу и вовсе не счесть, что ж нам теперь делать?

– Ты, – отвечал мужичок, – богатырь славный, Бова Королевич, садись-ка на свою лошадь и отправляйся им навстречу. Шестерых богатырей, как шесть оводов, разобьешь, а всю мелкую силу твоя лошадь потопчет.

Вот сел на коня своего Бова Королевич, поскакал и стал биться: шестерых богатырей и шестерых зверей побил, и всю мелкую силу конём потоптал, лишь одного оставил, чтоб записку написать и царевне весточку подать. Тогда выпустила царевна на них девять богатырей, девятих зверей, а мелкую силу и вовсе не счесть.

Ярослав Лазаревич посмотрел в подзорную трубу и сказал:

– А что ж будем делать: девять богатырей выступили против нас да девять зверей, и мелкой силе вовсе счету нет?

Товарищи и говорили:

– Иди да у мужичка спрашивай!

Прибыл Яруслан Лазаревич к мужичку спрашивать:

– Мужик болтанский, богатырь басурманский, дайте совет нам: против нас девять богатырей выступили да девять зверей, а мелкой силе и счету нет, что ж нам делать?

– Ты, Яруслан Лазаревич, – отвечал мужичок, – богатырь славный, усаживайся на коня своего и отправляйся им навстречу. Прибьёшь ты девять богатырей, будто девять оводов, а лошадь твоя мелкую силу потопчет.

Садился на свою лошадь Яруслан Лазаревич, поскакал и стал биться: девять богатырей да девять зверей разбил, и мелкую силу конь растоптал, лишь одного только оставил, чтоб с вестями к царевне послать. Вот тогда царевна на них двенадцать богатырей выпустила да двенадцать зверей, и мелкой силе счету не было.

Посмотрел в трубу Илья Муромец и спрашивает:

– Что ж будем делать: против нас двенадцать богатырей выступили да двенадцать зверей, и мелкую силу не сосчитать?

Товарищи и отвечали:

– Иди-ка ты у мужичка спроси.

Приходит Илья Муромец и вопрос задаёт мужичку:

– Мужик болтанский, богатырь басурманский, дайте нам совет: против нас двенадцать богатырей выступили да двенадцать зверей, и мелкую силу не сосчитать, что ж нам делать?

– Ты, Илья Муромец, богатырь славный, – говорит мужичок, – садись-ка на коня и поезжай навстречу им: двенадцать богатырей прибьёшь да и двенадцать зверей побьёшь, словно двенадцать оводов, когда мелкую силу твоя лошадка растопчет.

Сел Илья Муромец на коня, поскакал. Вот стал он со всеми богатырями биться: двенадцать богатырей разбил да двенадцать зверей, а мелкую силу конём потоптал, одного только оставил, чтобы можно было записку написать да царевне весточку послать.

Увидала царевна, что дело не пустяшное, позвала к себе своих милых князей и говорила:

– Что же нам делать: трое богатырей разбили всех наших богатырей да всех зверей, и побитой мелкой силе счёту нет?

А князья и отвечали:

– Давайте выпустим на богатырей двенадцатиглавого змея, который сидит прикованный на двенадцати цепях; если и он их не одолеет, станем мы их, словно гостей, принимать.

Порешили и расковали двенадцатиглавого змея. Летел змей, так земля и дрожала, звери в лес прятались, а мелкие птицы вообще за море улетали.

А Илья Муромец поднялся рано, посмотрел в подзорную трубу и молвил товарищам:

– Плохо дело, товарищи, на нас летит двенадцатиглавый змей, вся земля под ним дрожит, звери в лес прячутся, а мелкие птицы за море улетают.

– Ну что, – говорят, – пойдёмте, богатыри, к мужичку.

Вот прибыли к мужичку такое сказать:

– Мужик болтанский, богатырь басурманский, мы уж отбыли своё, сейчас твой черед пришел: теперь на нас летит двенадцатиглавый змей, иди справляйся теперь и ты с ним.

Мужик поднимается и думает: «Ну вот, пришёл конец моему лыцарству! Постранствовал я маленько по миру, людей повстречал, а теперь придётся живьем змею отдаться, тут вот, пожалуй, не выкрутиться». Тогда он стал, ряднышком своего коня прикрыл, заткнул топор за пояс, оседлал и поехал. Богатыри и кричат ему:

– Взяли бы вы коня у кого-то из нас, ведь ваш еле дышит, наверно, и до змея не доскачет.

– Не стоит, – говорил, – вашим коням меня не выдержать.

Дернул после за недоуздок и поковылял. Вот подъехал он к змею.

А змей на него летит, аж земля дрожит, звери в лес прячутся, мелкие птицы за море летят... А мужичок-то внимания не обращает, дёргает за недоуздок лошадь, она помаленьку и ковыляет. Посмотрел змей на такого лыцаря, останавливается и стоит.

– Это что ж это такое, никак насмешка надо мной?

– Точно! – мужичок отвечал.

Спрыгивает с коня, топор вытаскивает из-за пояса и ударяет зверя по его голове, да так, что катится голова эта, следом по второй – и та падает.

Увидали тогда три богатыря, как мужик болтанский, богатырь басурманский, змея-то разбивает, да и славу отнимает, оседлал коней и пустились на змея с обеих сторон, а третий за хвост ухватился – разбили его, порубили его, на огне сожгли, а пепел по воздуху пустили.

– Вот теперь, – сказал мужичок, – можем мы и к царевне ехать свататься; нехорошо только, что богатыри вы завистливые: я намеревался змея топором своим порубить, что ж вы не дали; зачем же вы в чужой черед в Дикую степь выступили?

Тут крикнул на них старший, Илья Муромец, говорил:

– Ну что ж, прощенья надо просить, славный мужичок болтанский, богатырь басурманский, старшиной будете теперь над нами: можете идти с царевной повенчаться и себе царство забирать, а коли нет, то поедем по свету силушку свою людям показывать.

– Спасибо за честь такую! – отвечал мужик болтанский ему. – Но не жених я царевне, вы мужиком меня обзывали, и по свету свою силушку показывать, чтобы люди удивлялись, и людской покой смущать тоже не хочется. Вы же, знатные богатыри, с убранством богатым, конями дорогими, отправляйтесь к царевне этой свататься, а я уж позади как-нибудь поплетусь.

Тогда оделись богатыри в наилучшие свои наряды и вперед отправились, а мужичок лошадку напоил, рядом прикрыл, оседлал, дернул за недоуздок и поскакал за ними.

Царевна увидала, что все богатыри ее побиты, двенадцатиглавый змей в пепел обращён, и подумала: «Нечего делать, следует дорогих странников встречать». Позвала она князей и велела:

– Открывайте ворота и стелите ко дворцу холстину: встречайте гостей-богатырей свежим хлебом и солью!

Ворота открыли, хлебом-солью богатырей встречали, кланялись, вот царевна на своё крыльцо вышла, и двери во дворец отперла; богатырей приветствовала, за стол усадила, дорогим вином-медом потчевала. Мужик болтанский, богатырь басурманский, подковылял ко дворцу, привязал лошадь у крыльца, ряднышко с нее снял, у дворца расстелил, лёг себе и стал трубку покуривать.

Вот богатыри начали пить-гулять, каждый на царевну поглядывать, и раздумывают: «Кого же царевна из нас троих удостоит?» А она видит, что все три богатыря один другого лучше, один одного милее, и сама не решает, за кого ж замуж идти. Пили они, значит, гуляли, но к делу не подступали. Царевна и сказала:

– Славные вы все богатыри, но кто же из вас разбил моего змея двенадцатиглавого, пускай тот со мной и выпьет чарку вина.

Богатыри переглянулись: сюда-туда, а того богатыря, что одолел двенадцатиглавого змея, и нет. Ну что же делать богатырям, они и признались:

– Был еще один с нами мужичок болтанский, богатырь басурманский, что с одного маху тридцать богатырей положил, и мелкой силе счёту нет. Сейчас он около дворца полеживает, да и трубку курит, пусть же сюда прибудет; но он такой мужик чудной, в одеже простой да на клячонке, а когда спит, то рядом покрывается.

– Если так, – отвечает царевна, – то пусть тогда мои князья, как подобает, его оденут и за стол усадят.

Одели князья, как должно, мужика болтанского и к столу привели. Наливает царевна всем по чарке и молвит:

– Кто же из вас разбил моего змея двенадцатиглавого, пускай тот со мной и выпьет чарку вина.

Тут уж мужичок не растерялся, чарку поднял и говорил:

– Я это!

Тогда-то царица с ним обвенчалась и поставила его управлять своим царством.

И я у него был, горилку с ним пил, вот и к вам теперь пришел, эту сказку рассказал, – может, и вы чарку на стол поставите.

Про богатыря Сверхдуба

Жил себе когда-то богатый мужик. И было три сына у него: двое умных, ну а третий – дурак. Самый младший – вообще-то не был дураком, а только прикидывался, напускал на себя, что, мол, из этого получится. А было у мужика еще и несколько пар волов, и однажды послал он двоих умных сыновей на три дня в степь пахать, когда младший дома остался. Когда старшие сыновья домой приехали, меньший и говорит:

– Ну что ж, тату, они вдвоём пахали, а я тогда сеять поеду.

Отец и отвечал:

– Ты, сынок, еще по свету ходить не можешь, как же ты способен хлеб сеять?

Но младший так пристал, что и уговорил отца. Взял младший три мешка пшеницы и отправился на то же самое место сеять. Посеял и возвращается домой, когда попался ему старик и спрашивает:

– Куда это ты, земляк, едешь?

– Домой, – отвечает младший сын.

– А где ж ты был?

– В степи был, пшеницу сеял.

Старик и говорит ему:

– Когда прибудешь домой, скажешь отцу, матери да братьям, что пора уже пшеницу жать.

Сел тут парубок на подводку и подумал: «Как же это так, только я её посеял, а уже и уродилось? Надо бы вернуться да поглядеть».

И поехал назад посмотреть. Смотрит и правду – поспела уже та пшеница. Сорвал несколько колосков показать дома, а пшеница уродилась такая, что и не придумаешь лучше. Вернулся домой, отцу ее показывает, чтоб тот жать ехал. Отец сидит, раздумывает.

– Что ж оно, – молвит, – сын, счастье это нам такое, или несчастье? Как же так? Поехал ты сеять, а теперё уже пшеница поспела?

Взялись они за косы, стали косить; вот люди удивляются, – ведь только посеяли, а эти уже косят, ведь дело осенью было. Покосили они пшеницу, положили, обмолотили и давай продавать. Жили сами они бедно, но как стали продавать пшеницу, тут и построили дом. Отец сыновей своих женил. Самого старшего – на крестьянской дочке, среднего сына женил на поповской, а меньшого – на генеральской.

Когда умерли отец и мать, сыновья остались одни на хозяйстве, и детей дождались. Родился у меньшого сын – уж семь лет минуло, а он ещё в люльке лежит. Ходил дурак, гулял, и стали его разные господа стыдить, что он, мол, сам-то не бедный, это точно, а дитё такое, что уж семь лет ему, а он ещё в люльке лежит! Вот идет он домой и от стыда плачет. Думает: «Господи ты, боже мой, что ж оно такое – какой-то несчастный я, что дитя у меня такое?»

Вдруг попалась ему навстречу старуха. *(А сын-то у него прикидывался, Семилеток, на самом-то деле – богатырём был).*

– И о чем же ты, – спрашивает его, – сын купеческой, плачешь? *(А старуха ж эта тоже знала, о чем он грустит, да не признавалась.)*

Стал тогда он рассказывать:

– Ну, вот дитё у меня неудалое...

Тогда она спрашивает:

– А что, хотел бы, купеческий сын, чтоб на свете его и вовсе не было?

– Да, пожалуй, хотел бы, – отвечал купеческий сын.

– Тогда ступай, – она сказала, – на базар, и семь пудов каната купи и еще железную тележку. Когда дойдёшь домой, положи подушку, да и его положи туда, возьми веревку, да потолще, и вези его, спящего, в лес.

И дальше сказала она ему:

– Когда придешь в лес, нужно найти толстый развесистый дуб. Выбери ветку, что не обломается, привяжи в четыре ряда свой канат (*так люди люльку веревкой связывают*). Положи на него доску, а на доску положи подушку, потом положи его и покачай (*ведь он сонный был, он спал, да спать залёг на семь суток*); и как положишь на подушку, так сразу покачай, а потом убегай без оглядки.

Так и сделал отец – отнес сына в лес, а сам убег без оглядки. А коли б отец оглянулся, тогда б Семилеток поломал бы о него весь тот лес.

Спал он или не спал, но семь суток проспал. Если бы эти семь суток дома проспал, тогда было б ему, наверно, двадцать лет стукнуло. Тогда была б у него силушка богатырская.

Проснулся Семилеток и говорит:

– Что ж оно такое, вроде я дома спал, а сейчас в лесу?

Тут встряхнулся он, да и упал на землю, упал и погрузился в нее по самые колени. Ходит теперь и думает: «Пути домой не знаю, летать не могу». Похаживает, сам себе приговаривает. Отыскал он дуб здоровый, высокий, попробовал, чтобы не сломался (*он-то хорошо уже знает, что силушка у него такая имеется, – что весь лес обхватил бы, но!..*)

Взобрался он на тот дуб и стал осматриваться, не видно ли где-нибудь какого-нибудь села либо слободы. Села не заметил, а увидел в лесу двухэтажный дом, покрытый черепицей. «Вот, – думает про себя, – если слезу вниз – дорогу не найду. Летать – не могу». Стал он руками хвататься за ветки, и пошел, опираясь на верхушки деревьев, словно птица.

Прилетел он туда, к тому дому, но легко спуститься не может, поэтому упал на землю, очень ушибся. Вошёл в дом, а там нет никого, сидит только старая-престарая женщина, сидит и его спрашивает:

– С чем же ты, добрый молодец, пожаловал сюда?

Он отвечал:

– А ты, старая ведьма, сначала напои меня и накорми, а уж после и спрашивай.

Встала она живо с печки, достала кувшин с молоком, поставила на стол и положила ему булку. Он поднялся и отблагодарил бабушку.

– Спасибо, – сказал, – тебе, бабушка, за хороший обед! Ну а сейчас, бабушка, спроси, с чем я сюда явился.

Старуха спрашивает:

– Ты чьего роду и кто такой будешь?

– Я, – говорит, – Сверхдуб (*это он сам себе имя придумал*).

– Зачем же ты, – спрашивает, – сюда прибыл?

– Ну вот, – отвечал, – хотел бы тут век дожить, наняться к кому-нибудь.

Она ему:

– У меня двое сыновей, они в чисто поле поехали. Я ж без них ничего не решаю; вот как приедут домой, так и распорядятся.

Тогда он ей и говорит:

– А мне ничего здесь не будет, если я дожидаться стану?

Бабка отвечает:

– Есть у меня место, где могу тебя спрятать. Сыновья не узнают, а если станут догадываться и на меня сердиться, тогда я им слово промолвлю, сыны уедут с дому, так я выпущу тебя.

(*Это дело нередкое, если мужик голодный, то как придет домой, жену бранит, а корчмарь коль голоден – то идёт богу молиться.*)

Вот прибыли сыновья домой; не успевают и в двери зайти, а баба булок напекла, тогда поразевали мужики рты, она им булки тычет (*они – на самом деле, змеи были*). Кидала, пока сытыми не стали. Потом вошли в комнату, вот самый старший и молвит:

– Фу, русская кость смердит!

А она им говорит:

– Вы, – отвечает, – по миру летали, русской кости понюхали, вот вам оно и мерещится.

И дальше продолжает:

– А вот ко мне молодец тут заходил, да такой, что лучшего и не сыщешь. Приходил наняться, говорил, что служить хочет, покамест не прогонят. *(Но сам-то Сверхдуб долго служить не хотел бы.)*

Сыновья ей в ответ:

– А что ж нам ты его не показала?

Тогда поднимает старуха подушку да одеяло и вытаскивает молодца. Поднялся он тогда, они с ним и здороваются:

– Здравствуй, молодец!

А он не знает, что им и ответить. Вот они его и спрашивают:

– Зачем же ты, молодец, к нам зашел: волей-неволей или своей охотой?

А тот отвечает:

– По своей воле не явился бы к вам, да вот заставила неволя, пришлось наниматься.

Тут они ему и говорят:

– Мы такого не хотим; нас братьев двое, а вот если ты будешь третьим – меньшим. Ну как? Согласен? А если не согласен, то мы тебя прямо сейчас и съедем!

Он и отвечал:

– Да, согласен!

Что ж, вручили ему ключи братья от хозяйства, где лежат овес да мука, одёжа да крупа. И стали водить его по кладовым всем и амбарам, показывать, что где лежит, отвели его в конюшню, отворили ее, увидел он – стоят в стойле двенадцать лошадей. Тут самый старший Змей и сказал:

– Будешь ухаживать, брат, за этими лошадами.

А под той же крышей была еще одна конюшня. Но молодцу ключей от нее не дали, и сказали:

– Вот тебе, брат, хозяйство наше. Где хочешь, ходи гуляй и пей, можешь на лошадях кататься, только туда нельзя заглядывать.

Побыли чуток братья дома, а потом и сказали младшему:

– Оставляем тебя на хозяйстве, а сами собираемся к дядюшке в гости.

Сели на коней и поехали. Ожидал он день за другим, пил да гулял, на лошадях ездил, а на третий день накормил коней хорошенько и сводил на водопой. Вернулся с реки, да поставил лошадей в конюшни, настелил соломы, насыпал овёс, стал ходить по конюшне, раздумывает: «Что ж оно это значит, по всему своему хозяйству меня водили, а сюда не привели и ключей не дали?» И думает себе: «Какой же с меня будет молодец, если сюда не загляну?» Отправился в дом, смотрит: та бабушка спит. Открыл шкафчик, посмотрел – лежат два ключика. Схватил он эти два ключа, пришёл туда, попробовал – подходят. Отпер молодец конюшню, стоят пара коней, один свежую пшеницу жуёт, а второй – золото. Подумал: «Что ж это такое? Этот пшеницу жуёт, а тот – золото? Надо бы этому подложить золота, пусть тоже поест».

Засучил рукава по локти, засунул он руку в золото – и вдруг стала она золотой; засунул другую – и другая золотой стала. Взялся молодец за голову, и та золотой сделалась. Натянул шапку, опустил рукава, заходит в дом и рассказывает:

– Ой, – молвит Сверхдуб, – бабушка, сильно я провинился. *(А она и так об этом знает, ведь волшебница была)*

Она ему и отвечала:

– Вот теперь, дитё мое милое, рада бы я была, если б ты живой остался, но как приедут, то ведь съедят по косточкам. Теперь, сыночек, бери коня да ступай, куда хочешь.

Молодец пошел, подковал лошадь, но не так, как все, а задом наперед подковы поставил, как будто ехал оттуда, чтобы след замести: туда следу нет, а сюда будет. Сел на коня и поехал. Выходит старушка и говорит Сверхдубу:

– Подожди, дам-ка тебе в дорогу гостинец. (*Пожалела его потому, что он был очень собою пригож*).

Вынесла ему щетку да гребень, какими коноплю чешут, и платок ещё. Спрашивает он ее:

– И как же этими вещами распоряжаться?

Она ему и говорит:

– Оседлай коня, езжай да замечай: когда будет ветер и буря шуметь, ты бросай этот гребень позади, а сам мчись что есть мочи! Чтобы проскочил!

Выезжает он со двора, и конь ему говорит:

– Сойдешь, – говорит, – и полезай в моё правое ухо, а в левое вылезай, тогда станешь еще краше.

Выезжает молодец со двора, так и делает, как конь велел. Едет дальше и дальше, а за ним уже Змей в погоню выехал. Конь ему и молвит:

– Поезжай, не зевай, бурю не дожидайся, а посматривай: тебе за тридевять земель будет видно, как ворона полетит, тогда скажи. (Это конь ему поставил такие зоркие очи.)

Едет он и видит, как летит за тридевять земель ворона, тогда конь и спрашивает:

– Что, видано тебе что-нибудь?

– Видно: за тридевять земель ворона летит.

А конь ему:

– Возьми гребень, брось позади себя да мчись что есть мочи!

Бросает молодец гребень, сам проскакивает, и вырастает позади него такой лес, без конца и краю, и настолько высокий, что в небо верхушками упирается. Змей его перескочить хотел, но чересчур высокий и такой густой, что не пролезть, и большой – не объехать! Проехал Сверхдуб пару верст, но и Змей уже долетел до этого леса.

– Вот, – сказал, – хитрый, догадливый.

Гонял Змей да гонял по всему миру, не нашел ни конца, ни края, и в гору прыгал, но не перескочил. Нанял тогда пильщиков, чтобы дорогу ему прорезали. Пока их нанимал и пока вернулся, пока их до места доставил, Сверхдуб все дальше и дальше уходил. Пришли пильщики, проложили просеку, когда конь уже знал, что Змей снова будет за ним гнаться, и молвит хозяину:

– Езжай-ка, нельзя спать, не зевай и назад посматривай. Еще две беды могут на пути произойти; если их перетерпим, от горя избавимся.

Едет молодец, оглядывается – летит опять ворона. Конь его и говорит:

– Видишь ли что?

– Вижу, – отвечает, – но можно ехать и четыре года, пока та ворона не нагонит.

А конь ему отвечает:

– Ну, на четыре года ты не рассчитывай, а рассчитывай лишь на четыре секунды. И оглядывайся, – добавил, – почаще.

Но не успел конь и десяти шагов пройти, оглянулся Сверхдуб, а ворону уже за версту видно стало. Говорил конь:

– Ты брось щетку позади, а сам что есть мочи мчись вперед.

Кинул он щетку, и даже не успела лошадь двух шагов ступить, как позади курган огромный образовался, и такой высоты, что вершина в самое небо уперлась! Прибежал к кургану Змей:

– Эх, – молвил, – догадливый!

Бежал и бежал Змей по целому миру, так и не нашел ни конца, ни краю. И вверх прыгал – не перескочил! Вернулся назад, но пока грабарей нанял, тот пуще умчался. Прокопали те дорогу, снова Змей за ним погнался, тут конь и спросил Сверхдуба:

– Ты, – спрашивает, – спать сильно хочешь?

– Хочу, – отвечает, – очень.

– Перетерпи, – говорит, – еще одну беду, скачи на мне, не спи и почаще поглядывай!

Едет на коне, оглядывается назад, увидел ворону за три версты. Едет дальше, конь твердит:

– Махни назад платком, ведь он нас догоняет уже.

Махнул молодец назад платком – так разлилось позади него сине море на весь мир, без конца и без края, глубиной и вовсе, как глубокая бездна!

Тут подъезжает Змей к морю и говорит:

– Эх, хитрец какой нашёлся!

Перескочить море не смог – широкое.

– Может, – молвит Змей, – может, я его выпью?

Стал пить, выпить успел, а лишь дважды глотнул и лопнул.

Тогда говорит конь Сверхдубу:

– Всё, не нужен я тебе боле. *(Конь ведь был не богатырский, а волшебный. А Сверхдуб в богатырском нуждался.)*

– Можешь теперь пойти, куда захочешь, только меня, – говорит, – покорми, чтоб домой я добрался, а то идти сил нет.

Сверхдуб спросил у коня:

– Чем же могу тебя покормить?

Конь ему отвечал:

– Пойди-ка ты в лесок рядом, нарви дубов, наломай из них куски и сожги, пускай они горят, а я этого пепла наемся.

Сверхдуб только рад стараться: пошел быстрым шагом, нарвал дубов, наломал из них куски и зажег. И горели куски не более трех минут, потом потухли. Отправился он в степь, нашел там вола, снял шкуру с него, смастерил решето, просеял на нём угли *(для коня так постарался, негоже просто было бы коню такие угли есть)*. Угостил его, тот и наелся.

– Вот теперь, – сказал конь, – иди куда хочешь, а я домой поскачу.

Зашел Сверхдуб в лес дремучий да лег поспать, потому, как давно не спал. Спал молодец или не спал, но проспал двенадцать суток. А как проснулся, думает: «Куда ж теперь мне ступать?»

Шел и нашёл деревню. Смотрит он, а впереди большая усадьба, богатый помещик, видать, живет. Подумал Сверхдуб: «Как бы это мне попасть туда?»

Вошёл он в усадьбу в зимних варежках и шапке летом *(нельзя было ни шапку, ни рукавицы снимать, не то увидели бы золотые руки да голову)*. Вышел к нему барин и говорил:

– Здравствуй, молодец! Зачем пожаловал?

А тот ему отвечал:

– Да вот пришёл наниматься.

Барин и говорит:

– У меня недавно свинопас рассчитался, если хочешь, то можешь наняться свиней пасти.

– Все равно – работа, только деньги платил бы.

Так что нанялся Сверхдуб у барина за полтину рублей и хозяйскую одежду. Завел его барин в дом, дал отобедать и, не теряя времени, отвел его в степи, где свиней надо пасти: свиньи ведь голодные. Поводил его по своим степям повсюду, показал все места и сказал:

– Это моя земля, но за эту межу не ступай, то земля Змея, а если пропустишь, Змей и тебя, и свиней съест.

Отправился барин домой.

А Сверхдуб свиной пасёт на показанном месте и остерегается, он же без всякого оружия. Пригнал вечером свиной домой и сказал барину:

– Дай-ка мне двадцать пудов пряжи да десять – сапожного вара, а я батог себе смастерю.

Барин глядит на него. «Неужели, думает, он такой груз подымет?» И долго не раздумывая (*имелись у него свои конопляники*) отвесил Сверхдубу двадцать пудов пряже да десять – смолы. Стал Сверхдуб плести батог да сплел его по толщине как самая толстая колесная ступица, и по длине сажень с двадцать. Сплел его, осмолил, а барин все посматривает.

– Вот теперь, – говорит, – отлей-ка мне кнутовище чугунное, да чтобы было по весу в восемнадцать пудов.

Барин ему отлил. Уселся Сверхдуб, выставив колено, да как ударит кнутовищем по колену, что кнутовище натрое расколол! (*Вот это удалец! Коль бы палкой ударил, и то больно было бы.*)

Как увидел это барин, задивился, что он такой малый и удалый. Говорит Сверхдуб:

– Жаль, пан, не годно оно. Сделай теперь в двадцать пять пудов и стальное.

Сделал пан ему в двадцать пять пудов и стальное. Уселся Сверхдуб так же, ноги расставив, ударил по колену – а оно лишь зазвенело.

– Хорошее, точно в меру!

Прицепил тогда кнут и стал гнать в степь свиной на пастбище, а барин подумал: «Уж забирай себе и свиной и все начисто, лишь меня не трогай». Погнал он свиной за ворота, да как щелкнул батогом, словно из двух пушек грянуло! (*Да и то, ведь теперь было чем щелкнуть!*) Погнал он пастись свиной, но не на показанное место, а туда, куда захотел. Знал он, где Змей, вот и погнал свиной напрямик в Змеев сад. Ну а Змей дома спал и ничего не слышал. Проснулся Змей, когда в саду такое хрюканье было, что весь сад прямо дрожал. Рассердился тогда Змей и прямо туда, думал, Сверхдуб его побойтись. А тот, не раздумывая, как растянул своё кнутище, да как хлестнул Змея по шее, что голова змеиная и отлетела!

Пошел тогда Сверхдуб в дом Змея: ходил-похаживал, а никого нет, – но и не страшно ему. Вышел из дома и стал ходить по саду, приглядываться, увидел – лежит посредине сада большая каменная скала. Он и молвит: «Что ж я буду за молодец, если не рассмотрю, что ж оно такое? Тут обязательно какой-то предмет спрятан!» Поднял мизинцем скалу, смотрит – а там яма большая, а в ней три богатыря. Принялся он с ними здороваться, но они так ослабли, что не могли и голоса подать. Сверхдуб им сказал:

– Вылезайте, братцы, оттуда!

А они ему отвечали:

– Мы хоть здесь и с голоду, и с холоду пропадем, но нам не привыкать, а ты ж зачем сюда явился? Когда прилетит Змей, он и тебя съест и нас в помине.

А тот говорит:

– Не боитесь, братцы, не будет этого!

Протянул богатырям свой кнут, да и вытащил их. Завел их в дом Змея, отыскал кое-что закусить, ведь они совсем истощали. Закусили они, а Сверхдуб пошел, поймал самую жирную свинью, оборвал на ней щетину, внес её, хорошо ошипал. И была в доме том печь, он печь ту накалил да кинул в нее свинью. После вытащил, вылил воду, пшена набрал в амбаре и стал готовить ужин. Сварил хорошего кулеша, такого, как следует быть, понёс на стол, а сам отправился в подвал, достал оттуда водки бочонок. Внёс в дом, дает богатырям по два стакана водки; выпивают они и стали ужинать. Как поужинали, благодарят его.

– Ну, – говорят, – благодарны мы тебе, братец, что нас ты от неволи спас и накормил; и что бы ни было, а большему горю не бывать!

Погнал Сверхдуб свиной домой, тут богатыри ему говорят:

– Имеется у нас кольцо драгоценное, и мы тебе его отдаём за то, что нас недурно угостил.

Подцепил он то кольцо позади к кнуту и тащит. Уже темно сделалось. А барышни его барина с вечера гуляли, глядят – а по дороге словно звездочка катится. (*Сказывают, что самоцвет по вечерам светится, но я не видел.*) Выбежала самая младшая, самая прекрасная ему навстречу и спрашивала его:

– Что это ты приволок?

Он её отвечал:

– Да свиней гнал, ну и на дороге сыскал, даже сам понять не могу, что это такое.

Она попросила его:

– Дай-ка мне, – говорит, – эту штучку!

А он ей отвечает:

– Не дам. Если пойдешь замуж за меня, только тогда дам.

Глядит она на него, а парубок красивый, но не имеет ничего: и одежда – только что на нем, и хлеба – только что в нем. Ещё и боится его, что он такой сильный.

– Хорошо, – отвечала, – что будет, то будет, пойду.

Заходит в дом и сообщает своему отцу:

– Замуж я собралась за твоего работника, что у нас служит. Отец отвечал:

– Что ж сказать, это дело твое! Если хочешь так, только чтоб меня не трогал.

Время прошло – и свадьбу сыграли.

Но некоторое время спустя прислал старший Змей приказ барину, чтоб тот выслал младшую дочь ему на съеденье. Послал барин к государю, чтобы государь ему прислал войска – одолеть злого Змея. Вот Сверхдуб сидит за столом, чай попивает, папиросу покуривает и усмехається, ну а барин сидит и слезами обливается – жаль дочь свою. Спрашивает тогда зять своего тестя:

– Что вы плачете? Если я не плачу, а мне-то с ней жить!

Тесть отвечал:

– Разве ж мне своё дитё не жалко?

А Сверхдуб говорит:

– Что бы ни было, а большему горю не бывать!

Вот тут пришёл от самого государя приказ, что «в таком-то, месте, да над таким-то морем, войско выставлено стоит по поводу, о котором меня просил».

Прислал Змей второй раз к барину, чтоб барин дочь свою присылал обязательно да поскорее. Ещё пуще заплакал отец да велел кучеру запрячь пару коней, чтоб отвезти дочь в указанное место. Простилась она с отцом да матерью. Пришла к мужу проститься, а тот и просит:

– Неужели я тебя никогда не увижу?

Она ничего не сказала, лишь заплакала да поехала к Змею на съеденье. Тогда тесть говорит зятю:

– Бери себе, сынок, наилучшего коня, и поезжай смотреть на ее муку.

Пошел тогда Сверхдуб на конюшню, взял лучшего коня, вывел коня за ворота и кричит:

– Сороки, вороны, слетитесь на купецкое мясо!

Хватает коня за гриву, стряхнул – одна шкура в руках осталась. Свистнул богатырским свистом! Прибежал его конь, что земля дрожала, а из ноздрей пламя валило. Привёз конь всю богатырскую справу да все доспехи богатырские – и ружье, шапку, копье. Сел он на коня и выехал на указанное место. Приехал туда, смотрит – она на столбе, слезами умывается да руками вытирается. Приехал он таким молодцом, что она и не признала. А он тогда молвил:

– Подымалась бы ты, душенька, поискала бы мне в голове.

Она этому очень обрадовалась. Встала, стала искать у него в голове, Сверхдуб молвит:

– Когда я засну, ты возмёшь этот молоток и стукнешь им мне по голове, я и встану.

Вот глядит она, что на море такая волна поднимается, что до берегу волна доходит. Испугалась она, доставала молоток, но не получается из кармана вытащить. Тогда стала она плакать, и покатилась слеза ему на прямо лицо. Он тогда вскочил и говорит:

– Ух, душенька, что ж ты так больно обожгла меня!

– Тебя я, – отвечает, – ничем вовсе не жгла, а это моя слеза тебе на лицо капнула.

Тут плывет Змей. Доплывает до суши и говорит ей:

– Прыгни-ка мне, – говорит, – прямо в рот!

А она села и лишь усмехается. *(Но все-таки она не ведает, что здесь ее муж, думает, просто, богатырь.)* А Змей сердится за это:

– Что же это за щеголь такой прискакал ко мне? Девушка эта мне на ужин приготовлена, но с тебя говядина слаще, так что на закуску будешь.

А Сверхдуб тогда отвечает:

– Ты ею одной подавишься.

Вылез Змей из воды, заревел страшным голосом, думал, Сверхдуб испугается, – и говорит грозно ему:

– Здорово, молодец!

– Здорово, здорово тебе, Змей, нечистый дух!

А Змей молвит:

– Ну что ж, добрый молодец, приехал ты биться или мириться?

Отвечал Сверхдуб:

– Не за тем едет добрый молодец, чтобы мириться, а затем, чтоб биться!

Тогда Змей и говорит:

– Дуй, готовь ток!

(Как богатыри биться собираются, так на сырой земле трудно им удержаться и они ток себе делают.)

Молодец говорит:

– Ух ты, Змей нечистый, я ж к тебе в гости приехал, так ты и дуй сначала!

Стал Змей дуть. Сделал ток железный. Как дунул Сверхдуб – сделал стальной. Дунул Змей – сделал чугунный ток. Дунул Сверхдуб – ток серебряный сделался. Змей дунул – медный сделался. Дунул богатырь – золотой сделался, и стали они биться. Сражались до кровавого пота – друг друга одолеть не могли. Сверхдуб говорит:

– Жenuшка моя милая, отпусти на подмогу, мне коня моего!

Та без вопросов, смотрит, насколько ему плохо, отпускает коня. Конь стал разгоняться, и прямо в голову Змея копытами! Богатырь был обрадован, что есть ему подмога, снова поднатужился, жену же не думает отдавать Змею на съеденье. Сразил он Змея да пошел себе стороной, чтоб жена не заметила. Приехала жена домой, а он улёгся на подушках таким, как и был, будто и не отлучался никуда.

Она и говорит ему:

– Хватит, душенька, притворяться.

Упала на колени перед ним и поцеловала. Поднялся Сверхдуб, стал обнимать её, целовать. И ушли они в комнаты вдвоем и принялись в отцовских комнатах пировать. Да и не так всё это дело делалось, как тут в сказке сказывается. Стали они жить, поживать да добра наживать. И я там, был, мед-пиво пил, по усам текло, но в рот не попало.

Ох

Раньше было всё не так, как сейчас, в давние времена разные чудеса в мире происходили, да и мир не такой был, как сейчас. Теперь этого не осталось ничего... Рассказать хочу вам сказку о лесном царе Охе, о том, каким он был.

Давно это было, не на моей памяти, а наверно, когда еще ни родителей, ни дедов наших в помине не было, жили-были бедный мужик и жена его, и был у них только один сын, но и он не такой, как подобает: таким уродился ленивцем, не приведи господь! За холодную воду взяться не может, только лишь на печи сидеть да просо пересыпать. Ему, наверно, уже двадцать лет, а он ещё без штанов сидит на печи и никогда не слезает: если подадут еды, поест, а если не подадут, и без того обойдётся. Ну, отец да мать и горюют:

– Сыночек, что ж нам поделать с тобой, ты же ни к чему не пригож! У других вон дети своим родителям в подмогу, а ты лишь даром хлеб переводить можешь!

Но ему ничего: сидит и дальше просо пересыпает. Другой ребёнок, как пойдёт пятый год, родителям уже помогает; но этот вырастает такой детина, до самого потолка уж, а все ещё без штанов сидит, да и делать не может ничего.

Горевали-горевали мать его да отец, а после мать и промолвила:

– Что же ты, старик, надумал чего с ним делать? Видишь, какой сын уже вымахал, а такой дурак – не может ничего делать. Взял бы да хотя бы внаймы его отдал, гляди, хоть чужие люди сына чему дельному обучат?

Подумали, да отдали к портному учиться. Пробыл тот три дня там и сбежал; залез на печь – и снова стал просо пересыпать. Тогда подрал да выругал хорошенько его отец, а после отдал к сапожнику на обучение. Но он сбежал и оттуда. Побил отец его снова и направил на обучение к кузнецу. Там тоже пробыл не долго – сбежал. Что же делать с сыном отцу?

– Отведу, – сказал, – его, эдакого, в чужое царство: куда бы там внаймы не отдал, может, не убежит.

Решил повести его.

Шли-шли они, долго и коротко ли, зашли в лес, да такой дремучий, что было лишь небо и землю видно. Вошли в лес, немного устали; глядят – у дорожки притаился пенек обгорелый, – тут старик и говорит:

– Утомился я, присяду, отдохну немного.

Лишь начал он на пенек усаживаться, и вымолвилось у него:

– Ох! Что же я так заморился! – и тут вдруг из пенька вылезает маленький дедушка, сморщенный весь, и с бородой зеленой до колен.

– Что же тебе, – молвит, – человеку, понадобилось от меня?

Подивился старик: откуда могло такое диво явиться? И говорил ему:

– Я тебя что, звал? Отвяжись!

– А как же не звать, – отвечает дедушка, – коли звал!

– И кем же ты будешь? – спросил старик.

– Я – Ох – царь лесной. Ты меня, зачем позвал?

– Ну, чур тебя, не собирался тебя звать!

Старик возмутился.

– Нет уж, позвал: сказал же: «Ох!»

– Уморился я это, – говорит старик, – тогда и сказал так.

– Куда путь держишь? – спросил Ох.

– Да куда глаза глядят! – старик ответил. – Взялся вести дурака своего внаймы, чтобы хоть чужие люди научили его уму-разуму. У себя же, куда ни отдам, он сбегает отовсюду.

– Так мне отдай, – сказал Ох, – я уж его научу. Но только с одним условием: когда год пробудет у меня, ты приходи за ним, ежели его признаешь, то возьмёшь, если нет – еще один год будет служить.

– Идёт, – сказал обрадованный предложением старик.

По рукам ударили да горилки распили; побрёл довольный старик домой, а Ох повел его сына к себе.

Вот ведет Ох его, да прямиком... на тот свет: под землёй зелёная хатка, камышом крытая; и все в ней такое же зеленое: зелены стены, зелены лавки, зелены даже дети и жена Оховы – ну прямо всё-всё. И работницы Оховы, словно рута, все изумрудны...

– Ну, присаживайся, – сказал Ох своему новому работнику, – да поешь чуток.

Подали ему мавки поест, но и еда вся зелена. Тот поел.

– Ну вот, – молвит Ох, – если взялся работать на меня, то дровец надобно для меня нарубить и в хату принести.

Побрёл работник. Рубил или не рубил, а прилег на дрова и заснул. Пришёл Ох, а работник спит. Тогда взял он его, и велел своим работникам дров наносить, а после связанного на эти дрова кинул и подпалил их. Вот и спалил работника! Потом Ох развеял по воздуху пепел, но один уголёк выпал. Окропил уголёк Ох живой водой – и тут ожил работничек и стал слегка умнее да проворнее. Снова было велено дров нарубить. Но тот снова уснул. Ох тогда поджег дрова, сжёг работничка опять, пепел по воздуху развеял, а уголек водою живой окропил – опять ожил работничек и таким красивым сделался, что лучше не сыщешь! Но и в третий раз был спален он и окроплён водою живой – тогда получился из парубка ленивого настолько проворный и красивый казак – ни придумать, ни загадать, лишь в сказке рассказывать.

Прослужил парубок у Оха целый год. Прошёл год, прибыл отец за сыном. Подошёл в лесу к тому пеньку, уселся и сказал:

– Ох!

Ох вылезает из пенька, и молвит:

– Здравствуй, человеце!

– Здравствуй, Ох!

– А зачем ты пришёл? – спрашивает.

– Прибыл, – отвечает, – за сыном.

– Тогда пойдем, если узнаешь – возьмёшь его с собой, а если нет – тогда ещё год у меня служить станет.

Отправился старик за Охом. Подошли к его хатке. Ох выносит мерку проса, высыпает – и сбегаются петухи – видимо-невидимо.

– Ну, признавай, – говорил Ох, – где же твой сынок?

Глядел старик – а все петухи одинаковые: прямо один в один, не признал.

– Ну, – сказал Ох, – иди домой, если не признал. А твой сын еще один год служить у меня будет.

Побрёл старик домой.

А как прошёл второй год, пришёл снова опять старик в лес к Оху. Подходит к пеньку:

– Ох! – сказал.

Ох и вылезает к нему.

– Пойдём, – говорит, – узнавать будешь! – И отводит его к овчарне, а там смотрит – баранов полно и все один на одного похожи. Глядел-глядел старик, но так и не признал.

– Ежели так, то иди домой: а твой сын еще год служить у меня будет.

Побрёл старик, пригорюнившись.

Как прошёл третий год, старик отправился к Оху. Шёл-шёл, и деда встретил, а тот белый весь, словно кипень, и одежда на нем такая же белая.

– Ну здравствуй, человеце!

– Здорово, дед!

– Куда это тебя несёт?

– Отправился, – молвит, – к Оху за сыном своим.

– Как же так?

– Ну, так и так, – рассказал старик.

Вот и рассказал старик белому деду, что отдал своего сына Оху и с какими условиями.

– Эх! – сказал дед. – Плохо дело твоё! Долго он будет его держать...

– Ну, я, – говорил старик, – сам смотрю, что моё дело плохо, только не знаю, что ж теперь поделать. А может вы, подскажите, как сына моего спасти?

– Подскажу, – сказал дед.

– Так рассказывайте мне, миленький: стану до конца века за вас богу молить! Все же, каким бы сын ни был, но родной мой, кровинка мне.

– Ну слушай, – говорил дед. – Когда дойдёшь к Оху, выпустит она много голубей и станет зерном их кормить. Ты ни одного не возьмёшь, а только того голубя, что есть не будет, а только сидеть будет под деревом и перышки чистить: будет это твой сын!

Отблагодарил старик дедка и побрёл. Пришёл к пеньку.

– Ох! – промолвил.

Ох и вылезает к нему и отводит старика в лесное царство. Высыпает Ох пшеницы, созывает голубей. Слетелись их, да так много, боже мой! И все похожи один на одного.

– Ну, признавай, – сказал Ох, – своего сына. Если узнаешь – твоим будет, а если нет – то моим!

Тут все голуби стали клевать пшеницу, а только один сел под деревом, нахохлился и стал перья чистить. Старик говорил:

– Вот это будет мой сын!

– Надо же, угадал! Забирай, если так.

Ох превратил голубя в такого гарного парубка, что лучше на свете и не сыскать. Очень обрадовался отец, обнял сына, поцеловал, оба обрадовались.

– Пойдем, сыночек, домой.

Вот и побрели.

Шли по дороге, беседовали. Отец расспрашивал, как же сыну в Оховом царстве жилось. Сын рассказывал, а отец жаловался, как бедствует, сын слушал. Потом отец и сказал:

– Как же нам теперь, сыну, быть? Я ж бедняк, ты бедняк. Три года ты служил, а так ничего и не заработал!

– Не горюй, отец, все устроим. Начнут, – сказал, – панычи в лесу на лис охоту; вот тогда обращусь я борзой собакой да лису схвачу, тогда захотят панычи купить меня, а вы за меня триста рублей возьмите, только продайте без цепочки: тогда станут у нас деньги, да и разживемся.

Шли они, шли; смотрят – собаки на опушке леса за лисой гоняются: никак не убежать лисе, а борзой никак не нагнать её. Враз обратился сын в борзую собаку, догоняет лису и ловит. Выскакивают из лесу панычи:

– Твоя собака?

– Ну, моя!

– Отличная борзая! Продавай ее нам.

– Покупайте.

– Чего хочешь за неё?

– Триста рублей хочу, но берите без цепочки.

– Сдалась твоя цепочка нам, у неё золочёная будет. Забирай сто!

– Нет.

– Ладно, забирай деньги, отдавай собаку.

Посчитали деньги, забрали борзую и начали снова за лисой гнаться. А она возьми, да погони лису прямо в лес: обратилась назад в парубка, и вернулся он обратно к отцу.

Шли они, шли, тут отец и сказал:

– Что ж нам, сынок, грошей этих? Разве что хозяйством обзавестись немного и хату подновить...

– Не печалься, отец, еще придут. Теперь, – сказал, – станут паньчи с соколом на перепела охотиться. Тогда обращусь я в сокола, и захотят у вас меня купить, вы и продаёте меня за триста рублей, но без колпачка.

Шли они по полю, смотрят – спускают паньчи сокола. Сокол погнался, а перепел убежал: сокол догнать не может, перепел – убежать. Оборачивается сын соколом, сразу насаждает на перепела. Заметили это паньчи и говорят.

– Твой это сокол?

– Мой.

– А продашь нам?

– Покупайте.

– Чего просишь?

– Если дадите за него триста рублей, забирайте, но без колпачка.

– У него парчовый будет.

Согласились, купили за триста рублей сокола у старика. Тогда спустили паньчи на перепела сокола, а он как полетит – в самый лес, там обратился в парубка и снова к отцу вернулся.

– Вот теперь мы немного разжились, – сказал старик.

– Подождите, отец, еще прибавится. Когда будем идти мимо ярмарки, я обернусь в коня, а вы меня им продавайте. За тыщу рублей можете отдать, но только без уздечки.

Подошли к местечку, где ярмарка была здоровая или что-то похожее. Оборачивается сын в коня, но в такого, словно змея, не подступишься – страшно! Отвел отец коня этого за уздечку, а тот как стал гарцевать, копытами землю бить. Сошлись купцы, стали торговаться.

– За тыщу отдам, – сказал, – но без уздечки забирайте.

– Сдалась твоя уздечка нам! Будет у него серебряная!

Пятьсот предлагают.

– Нет!

Тут мимо цыган проходил, одним глазом не видит.

– Что просишь за коня, старик?

– Тыщу, но уздечка моя.

– Э, это дорого, старик, забирай пятьсот и отдавай с уздечкой!

– Нет, не годится, – отвечал отец.

– Тогда шестьсот забирай!

И стал цыган торговаться, но отец ни копейки не уступил.

– Ну, забирай, батя, только уздечка моя.

– Нет уж, со мной останется!

– Дорогой человек, такого не видано, чтобы без уздечки коня продавали? Как же я его возьму-то?

– Бери, как знаешь, но уздечка моя! – отвечал старик.

– Ну, старик, я тебе ещё пять рублей бери, но только с уздечкой.

Раздумал старик: «Стоит-то уздечка эта гривны три, а тут цыган пять рублей хочет дать», – вот и отдал.

Горилки распили. Забрал старик деньги и домой отправился, а цыган тем временем сел на коня и поскакал. Но не цыганом он был: это Ох в цыгана обернулся.

Нес конь Оха между макушками деревьев и облаком. Как спускаются к лесу, подъезжают к Оху. Ставит Ох коня в стойло, и идёт в хату.

– Не уйдёт всё же от меня, вражий сын, – сказал жене.

Как подошёл полдень, берет Ох за уздечку коня и отводит к реке на водопой.

Приводит к реке, а тут конь наклоняется напиться, оборачивается окунем и уплывает. Ох, не раздумывая, оборачивается щукой и стал за ним гнаться. Ещё чуть-чуть, и догонит, а окунь разворачивает плавники, машет хвостом, и не схватить его щуке. Вот догнала его щука и молвит:

– Окунек! Поворачивайся головой, будем с тобой беседовать!

– Если ты, кумушка, беседовать желаешь, я и так могу услышать!

Нырнул поглубже и уплыл от щуки. Догоняет снова щука его и молвит:

– Окунек! Повернись ко мне головой, будем с тобой беседовать!

Тут окуnek расправляет плавники:

– Если ты, кумушка, беседовать желаешь, я и так могу услышать!

Долго так гоняли щука с окунем, а поймать его она так и не могла.

Тут подплыл окунь к берегу, где царевна белье полоскала. Обернулся окунь в гранатовый перстень в прекрасной золотой оправе, увидела это царевна, вытащила его из воды. Принесла домой, хвалится:

– Смотри, батюшка, какой я прекрасный перстенок нашла!

Полюбовался отец, а царевна решить не может, на какой палец одеть его: так он красив!

Скоро царю доложили, что прибыл купец. (А ведь это Ох в купца обернулся.) Выходит царь:

– Что ж тебе, старичок, надобно?

– Да вот ехал я, – молвит Ох, – по синему морю, вез на корабле на родные земли к своему царю перстень гранатовый, и упал он в воду. Не сыскал ли кто из ваших?

– Сыскали, – отвечал царь, – дочка моя отыскала.

Позвали дочку. Тут стал Ох просить, чтобы та отдала перстень, говорил, что не жить ему на белом свете, если не привезёт его! А она отдавать не хочет! Тут царь вмешивается:

– Отдавай, – сказал, – дочка, не то будет беда из-за нас старику!

Ох снова просить стал:

– Возьмите, что хотите, но перстень верните.

– Ну, если так, – сказала царевна, – то пусть не будет он ни тебе, ни мне! – и бросает перстень наземь... и рассыпается перстень пшеном по целому дворцу. Ох, не раздумывая, оборачивается петухом и стал это пшено клевать. И клевал, пока всё не склевал; только одно зернышко покатилося под ногу царевне, и осталось незамеченным. Когда поклевал, из окна улетел.

Тут из того пшеничного зернышка обратился парубок, да такой гарный, что царевна, как увидела, сразу влюбилась, – попросила отец и мать, чтобы выдавали за парубка замуж.

– Я, – говорила, – ни за кем не буду такой счастливой, лишь за ним!

Долго ещё не хотел царь отдавать дочь за обычного парубка, но потом всё ж согласился; благословил их, обвенчал и такую свадьбу сыграл, что весь свет там побывал.

Ну, и я там был, мед да горилку пил; во рту не бывало, а на бороду попало, вот потому она и побелела...

Летучий корабль

Жили-были старик да старуха, и было у них три сына: двое из них умные, а третий – дурак. Умных старики жалели, что ни неделя – то всё чистые рубахи, а дурачка лишь ругали, смеялись над ним, только и знал он, что без штанов в куче проса на печи сидеть. Если дадут еды – ест, а не дадут – без неё голодает. А пошёл в то время слух, будто прилетел царский приказ во дворец на обед собраться, а кто смастерит такой корабль, который летал бы, и на этом корабле прибудет, тот царскую дочку в жёны получит.

Тут умные братья советовать стали:

– Надо бы и нам пойти, наверно, может быть, наше счастье.

Подумали, у родителей спрашивают:

– Пойдем-ка мы, – сказали, – на обед к самому царю: терять нам нечего, может, счастье свое отыщем там.

Отец отговаривал сыновей и мать отговаривала. А они:

– Пойдем, и с концами! Благословляйте нам путь-дорогу.

Старикам, ничего не остаётся, благословили сыновей в дорогу; надавали белых паляниц, зажарили поросенка, горилку дали, и отправились они.

А дурак, тем временем, сидел на печи и сам просился:

– И я, мать, пойду, – говорит, – туда же, куда братья отправились!

– Да куда тебе, дураку, идти? – отвечала мать. – Там же тебя волки сожрут!

– Не сожрут, – говорит, – всё равно пойду!

Старики сначала над сыном посмеялись, потом бранить стали. Но видно же, что с дурачка ничего не возьмёшь, и говорили:

– Ладно, иди, но тогда назад не возвращайся и сыном нашим не называйся.

Положила ему мать в торбу черного хлеба чёрствого да флягу воды и выпроводила сына из дому. Отправился он.

Шёл, шёл, вдруг встретил на пути деда. Такой седой дед, с белой бородой, по пояс длиной!

– Здорово, дедушка!

– Здравствуй, сынок!

– Куда это, дедушка, путь держите?

А тот отвечает:

– Хожу по миру да людей от беды спасаю. А ты, сынок, куда направился?

– На царский обед.

– А сумеешь, такой корабль построить, что сам летать может? – спросил дед.

– Нет, – отвечал дурак, – не могу!

– Так зачем же ты идешь?

– А кто его знает, зачем! – молвит дурень, – Мне терять нечего, а вдруг, там где-нибудь счастье мое прячется.

– Ну, садись, – говорил дед, – отдохни немножко, пополуднуем. Достань, что в торбе лежит.

– Эх, дедушка, ничего там нет, один лишь черствый хлеб, но вам такой не укусить.

– Ничего страшного, достань!

Вот дурень достал хлеб, глядит – вдруг из этого чёрствого хлеба пышные белые паляницы сделались, каких он отродясь видал и не ел: как у самих панов.

– Ну вот, – молвит дед, – но как же без выпивки полдничать-то? Может у тебя горилка имеется?

– Нет, неоткуда ей взяться! Лишь фляга с водой есть.

– Достань-ка её! – говорит.

Достаёт он флягу, попробовали, а там уже горилка сделалась!

– Ишь, – сказал дед, – а ведь бог жалует дураков!

Тогда расстелили они на земле свитки, сели и полдничать стали. Закусили неплохо, отблагодарил дед дурака за хлеб и горилку и сказал:

– Теперь слушай, сынок, иди ты в лес, подходи к дереву, трижды перекрестись, ударь топором, и сразу падай ниц, после лежи, пока не подымут. Тогда корабль тебе смастерится, ты сядешь на него и полетишь, куда надобно, забирая на пути любого встречного.

Отблагодарил дурак деда, простились они. Дед побрел своей дорогой, дурак же в лес отправился.

Как пришёл в лес, подошел до дерева, стукнул по нему топором, сразу упал ниц, лежит, да и заснул. Проспал дурак под деревом несколько часов, слышит, как будит его кто-то.

– Подымайся, тут твое счастье, поспело уже, вставай!

Дурень просыпается, смотрит: корабль рядом с ним стоит, корабль не простой, а золотой, мачты его серебряные, паруса его шелковые, и надулись так, что только лететь!

Тогда, долго не раздумывая, забрался он на него, а корабль снялся сам и полетел... Летит он между небом и землёй, что не увидеть глазом.

Летит дурень, смотрит на землю и видит, что на дороге человек лежит, ухом к земле принок и слушает что-то. Дурак кричит ему с корабля:

– Здравствуй, дядько!

– Здравствуй, голубчик!

– Что ж ты такое делаешь?

– Я слушаю, – отвечает, – весь ли люд у царя уже собрался.

– И ты туда же собрался?

– Да.

– Забирайся ко мне, подвезу.

Он сел.

Летели они, пока не увидели, как человек с одной ногой к уху привязанной, скачет по дороге на другой. Дурак к нему с корабля обращается:

– Здравствуй, дядько!

– Здравствуй, милый!

– А что это ты на одной ноге скачешь?

– Коли, – говорит, – отвязал бы другую, тогда за один шаг весь свет обошёл бы. Но я, – молвил, – не хочу.

– Куда же ты направляешься?

– К царю путь держу на обед.

– Ну, давай с нами.

– Хорошо.

Забрался и он на корабль, полетел корабль дальше.

Летят они дальше, летят, глядят – а на дороге стоит охотник да из лука целится, но нет нигде ничего – ни птицы какой, ни зверя. Дурак ему с корабля:

– Здравствуй, дядько! Куда это ты нацеливаешься, когда не видать ни птицы какой, ни зверя?

– Здравствуйте люди добрые! Почему, не видать-то? Это вам не видать, а мне-то видно!

– Ну и где же тебе её видать?

– Вон в той стороне, через сто верст, на высохшей грушке сидит она!

– Забирайся к нам, полетим вместе!

Вот и охотник к ним сел. И полетели.

Летят, летят, вдруг увидели: идет дорогой человек, несет на спине наполненный мешок хлебом.

- Здравствуй, дядько!
- Здорово!
- Ты куда путь держишь?
- Направляюсь, – говорил, – хлеба на обед добыть.
- У тебя ж и без того мешок полон!
- Что там этого хлеба! Одному мне, да на раз не хватило бы.
- Давай с нами!
- Хорошо!

Сел и он. Взлетели.

Летят, летят, глядят – человек возле озера ходит, как будто ищет чего.

- Здравствуй, дядько!
- Здорово!
- А что ты тут выхаживаешь?
- Пить, – отвечает, – хочу, а воды никак не найти.
- Но ведь целое озеро рядом, – что ж ты не попьёшь?
- Что там этой воды! Одному мне, да на глоток не хватило бы.
- Давай с нами!
- Давай.

Садится он. Полетели.

Летят, летят, тут увидели: направляется в село мужик, тащит мешок с соломой.

- Здравствуй, дядько! Куда это ты солому тащишь?
- В село, – отвечает.
- Ну-ну! Да неужели в селе соломы не хватает?
- Там хватает, – говорит, – но не такой!
- А что это за солома?
- Такая, – молвит, – что в любое жаркое лето разбросаешь ее – и сразу же, откуда ни возьмись, холод да снег придут.
- Давай с нами!

Сел он, и дальше летят.

Летят, летят, смотрят, мужик в лес идёт с вязанкой дров на плечах.

- Здравствуй, дядько!
- Здорово!
- А куда ты тащишь дрова?
- В лес несу.
- Ну-ну! Неужели в лесу не хватает дров-то?
- Как же не хватает? Хватает, – говорит, – да не таких.
- А что это за дрова?
- В лесу простые, а тут такие, что если их разбросаешь – и сразу как из ниоткуда войско перед тобой предстанет!
- Давай с нами!

Согласился и он, сел, и полетели они к царю.

Летели и летели, прилетели-таки на обед царский. А там посредине двора уже столы поставили да понакрывали, бочки. Медом да вином полные поставили: хочешь, пей, Хочешь, ешь, чего душа пожелает! А людей, можно сказать, около половины царства сошлось, и молодые, и старые, бедные и богатые, даже старцы убогие, словно на ярмарке. Прилетели дурак и товарищи на нашем корабле, спустились перед царскими окнами, вышли с корабля, обедать ушли.

Посмотрел царь в окно, что там на золотом корабле прилетели, и сказал слуге:

- Иди-ка ты спроси, кто это на золотом корабле пожаловал?

Пошел слуга, поглядел, подошёл к царю:

– Какое-то, – докладывает, – мужичье, оборванцы!

Не поверил царь.

– Быть такого не может, – говорит, – чтобы мужичье, и прилетало на золотом корабле!

Ты, пожалуй, неверно расспросил.

Тогда вышел сам он к людям.

– Кто здесь, – спрашивает, – прилетел на золотом корабле?

Выступает тогда дурак:

– Я, – отвечал, – ваше величество.

Царь как посмотрел, что свиточка его – латка на латке, и колени повылезали на штанах, что аж за голову взялся: «Как же мне дочь за этого холопа выдавать?!»

Что же тут поделаешь? Стал царь тут ему задачи ставить.

– Пойди-ка ты, – говорит царь своему слуге, – и сообщи ему: несмотря на то, что он на корабле прилетел, коль не добудет воду целящую и живящую, пока гости обедают, так не только царевны не видать, а ещё вот меч, упадёт голова его с плеч!

Слуга и отбыл.

Но всё, что царь слуге молвил, Слухало и подслушал, и тут же пересказал об этом дурню. Сел дурак на лавку (это скамьи такие устроили вокруг столов) и горюет – ни есть, ни пить не желает. Видит это Скороход, спрашивает у него:

– Что это ты, – спросил, – не ешь ничего?

– Не до еды мне! Даже не лезет.

И поведал ему все, так мол, да так:

– Загадал мне царь добыть воду, живящую да целящую, и всё пока гости обедают. А как же мне добыть её?

– Не печалься! Найду её для тебя!

– Ну, смотри!

Тут подходит слуга, передает дураку приказ от царя, хотя тот давно уж знает, что да как.

– Скажи, царю своему, – отвечал дурак, – что добуду ему воду!

Вот слуга отошёл.

Тут Скороход отвязывает ногу от уха, и как двинется, так вмиг и обернулся куда-то, набрал воду живящую и целящую.

Набрал да заморился. «Пока там, подумал, обед, я ещё воротиться успею, а пока посижу возле мельницы и отдохну немножко».

Присел Скороход у мельницы, да и заснул. Гости уже стали обед доедать, а Скорохода все нет и нет. Сидит дурак, печалится.

«Пропало всё!» – думает.

Тогда Слухало приложился к земле ухом и начал слушать. Послушал, послушал:

– Не печалься, – говорит он дураку, – возле мельницы уснул, собачий сын!

– Как же быть нам теперь? – спрашивает его дурень. – Как же его поднять?

Тут Стрелок, слушавший их, вмешался:

– Не переживай: я могу его разбудить!

И натянул свой лук, да как выстрелит – стрела прямо в мельницу вонзилась, что аж щепки летели... Просыпается Скороход – скорей туда! Гости, как только обед приготавливают, а этот уже воду приносит.

Как же быть царю здесь? Стал он другую задачу ставить.

– Поди-ка, – говорит слуге, – сообщи ему: если съест с товарищами его, в один присест дюжину волов жареных со стольким хлебом, чтобы в сорока печах было напечено, то, – молвит, – отдам ему свою дочь. А коль не съест, то вот меч, покатится голова его с плеч!

Всё это время Слухало слушал, а после рассказал обо всем дурню.

– Как же мне теперь быть? Мне и одного хлеба не съесть! – говорит дурак и снова запечалился, еще чуть-чуть, и заплачет вовсе.

Тут Обьедало стал ему говорить:

– Да не горюй ты! Мне за всех вас поесть – и того мало будет.

Подходит царский слуга и докладывает всё дураку.

– Ладно, – отвечает дурак, – несите вашу закуску!

Тогда зажарили дюжину быков, да испекли хлеба в сорока печах. Тогда стал есть Обьедало за дурака, да так, что всё дочиста подобрал, даже еще просить хотел:

– Вот, – говорит, – маловато закуски сегодня! Могли бы ещё немного подать!

Доложили царю, что все быки съедены, а гости еще и добавки просят, новую задачу задал, чтобы воду выпил из сорока сороковых бочек, да залпом, и вина столько же, а если не выпьет, то: «Вот мой меч, а ему голова с плеч!»

Услышал всё это Слухало, доложил. Опечалился дурак.

– Да не печалься ты! – говорит ему Опивало. – Мне, – сказал, – одному выпить, да мало покажется.

Тут выкатили им вина да воды, сколько обещано было. И тут стал пить Опивало, что все дочиста выпил да еще посмеивался:

– Ах, – говорит, – маловато будет. Еще бы пил!

Глядит царь: ничего с этим дурнем и его слугами не поделаешь, подумал: «Нужно вражьего сына этого, сжить со свету, не то ведь дочь ему достанется!» И послал к дураку слугу:

– Ступай сообщи, что приказал царь, чтобы перед венцом посетил жених баню.

А другому слуге приказал пойти и объявить, чтобы баню раскалили: «Вот теперь дурень, такой-сякой, поджарится!» Натопили истопники баню, что аж пышет... сам черт зажарился бы!

Сообщили дурню. Вот пошёл он в баню, а с ним и Морозко ступает со своей соломой. Когда зашли в баню, там такая жара была, просто невозможно! Накидал Морозко соломы – и вмиг стало настолько холодно, что дурак еле помылся, и быстрее на печь, где и заснул, – замёрз сильно! Отворили утром баню, думали, что лишь пепел от дурня остался, а этот лежит спокойно на печи; разбудить решили.

– Ух, – говорил, – крепко я поспал! – и ушел из бани.

Рассказали царю, что на печи он спал, что в бане стало холодно, словно всю целую зиму не топились. Крепко пригорюнился царь: что ж тут поделаешь? Раздумывал-раздумывал...

– Вот, – говорил, – если выставит для меня завтра к обеду полк войска, тогда только выдам ему свою дочь, а если не выставит, то вот меч, упадёт голова его с плеч!

А сам думает: «Откуда простому мужику столько войска добыть? Мне – царю, и то...»

Так и приказал.

Слухало снова услышал всё, да и поведал дурню. Сел дурень, давай снова горевать: «Как же быть мне дальше? Где ж я добуду столько войска?»

Пришёл к товарищам своим на корабль:

– Спасайте, братцы! Столько раз выручали, и сейчас спасите! Не то пропаду!

– Не горюй! – говорил тот, что тащил дрова в лес. – Я тебе помогу.

Пришёл слуга:

– Царь приказал, – молвит, – что если выставишь ты полк к утру завтрашнему, тогда царевну тебе отдадут!

– Хорошо, сделаю! – отвечал дурак. – Только передай царю, что, ежели не отдаст и после этого, тогда я войну против него начну, да силой царевну заберу.

Вышли дурень с товарищем в поле ночью и понесли с собою дров. Как стали их по разные стороны раскидывать: куда ни кинет – появляется человек! Так набралось войска столь много, боже мой!.. Проснулся утром царь, слушает: играют полковые трубы. Спросил:

– А что ж это играют так рано?

– Так это, – говорят слуги царю, – тот самый, что золотой корабль смастерил, войско свое на плацу выстраивает.

Увидал царь, что делать нечего, велел позвать дурня.

Пришёл слуга царский к кораблю, попросил дурака во дворец прибыть. А дурак стал такой, что и не признать: вся одежда прямо сияет, шапка казачья, золотая, да и сам – лучше не сыскать! Ведет удалое войско своё, сам спереди на вороном коне, следом старшина.

Подступает ко дворцу.

– Стоять! – крикнул.

Войско по рядам построилось – целое войско как один.

Пришел дурак во дворец. Там царь навстречу с объятьями да поцелуями:

– Присаживайся, любезный зять!

Выходит и царевна. Увидела его и заулыбалась: такой жених пригожий!

В скором времени обвенчали их, да такой пир закатили, что дым шёл до небу... лишь за облаком остановился.

А как я с того пира брел, глядь на облако, – и упал. Как упал, так и встал. Вы просили сказку поведать, вот я поведал – ни короткую, ни долгую, а вот такую, как до вас от меня. Поведал бы ещё, но боле не умею.

Иван Найда

Шла как-то женщина с дитём на базар, да несла в корзине ребёнка своего. Как пошла с базара, глядит – скачет перед ней красивенькая птичка. Оставила она свою корзинку с дитём, да за птичкой погналась, поймать собиралась, чтобы дитё её позабавилось. Далеко отбежала от корзины, за деревьями уже и не видно. Тут птичка взлетает на дерево и молвит ей человеческим языком:

– Обернись, женщина, где же твое дитятко?

Обернулась женщина, видит – а ребёнка нет, кинулась его искать. Искала, да не отыскала. Потом заплакала и молвит:

– Бог подарил, бог и отнял! – и побрела домой.

А в том лесу жил дед – волшебник, которому было ведомо всё, что где на свете творится, так вот из своих волшебных книг узнал он, что сидит где-то на дороге дитё в корзине. Он сходил, забрал его, принес дитя домой, нанял ему няньку, вырастил и имя дал «Иван Найда».

Когда исполнилось парню пятнадцать лет, пожелал он на охоту ходить; вышел, глядит – здоровое озеро, стал оглядываться – есть ли где дичь какая, смотрит – три утки летят. Иван собирался бить, смотрит – спускаются они вниз, сбрасывают с себя крылья и в девушек оборачиваются. Старшие прекрасны, а младшей и вовсе не налюбуйешься! Только заметил он, как в воду они лезут, ухватил платье младшей – да и ринулся домой!

Как вышли девушки из воды, стали одеваться, а одна глядит, что пропало платье её и молвит:

– Ох, забрал Найда платье моё, я знаю!

Стала гнаться за ним! Догнала, подходит; просит-просит – ни в какую не хочет отдавать.

Разгневалась на него дивчина, вырвала платье у него из рук и ударила по его лицу. Тогда Найда кленом обратился, таким высоким, кудрявым да широким.

Ждет его дед-волшебник, ждет, а его всё нет и нет. Глянул тогда дед в свои волшебные книги:

– Эх, вон ты где, Найда! – топор закинул на плечи да к нему отправился.

(Увидел волшебник в своих книгах, что кленом стал Найда, да в каком месте стоит).

– Э-э, – говорил, – красив клен: но коль рубить, была б неплохая основа для хаты. –

Потом спрашивает: – Не ты это, сын?

Тут стал перед дедом Найда, как был раньше.

– Я, – отвечает, – тату!

– Ишь, – сказал, – я же твердил тебе, сынок, чтоб ты никого не трогал, – и повел Найду домой.

На следующий день опять просится Иван на охоту, но не пускает дед:

– Куда это ты собрался, снова тронешь кого-то?

– Отпусти меня, батько, пойду я на болото, не жить мне без той дивчины, очень она нравится мне.

– Если так решил, то иди, – и отпустил Найду. – Когда будешь подходить к озеру, садись под наименьший ракитовый куст; когда прилетят, станут тебя искать. Как разденутся и станут в воду залезать, ты схвати платье, да что есть мочи беги! Коль догнать тебя ей удастся, пропадёшь тогда; а ежели, сумеешь добежать хоть до порога, смогу поймать вас обоих, когда кинется. А я пока буду дровишки за хатой колоть.

Садится Найда под кустом ракитовым, прилетели снова утки, глянули вокруг Ивана – да не сыскали. Оборотились опять девушками, бросили платья, пошли в воду. Найда снова ухватил платье самой младшей и давай бежать с ним, что было духу!..

Накупались девушки, смотрят – старших платья лежат на песочке, а младшей не лежит. Она сказал:

– Это снова Найда стащил! – И снова за ним гонится. Вот как догнала его – ему близко уж до своей хаты оставалось – и просила его вернуть платье. А Найда так спешил, что упал на самом пороге своего дома – кинулась девушка на него, хотела платье свое отнять. А тут дед-волшебник выходит из-за хаты, ловит и подымает обоих.

– Вот теперь, – молвит волшебник им, – быть тебе его женой, а ему твоим мужем!

Повенчались они, сыграли свадьбу и стали жить у деда. Прошло несколько лет. Однажды дед-волшебник говорит Найде:

– Ступай Иван теперь, ты к матери своей, вместе со своей женой.

– Куда ж я поеду, тату, – когда не знаю я, ни, где родился, ни, где искать мне её?

Даёт им дед пару лошадей, запрягает в коляску и молвит:

– Запомни: как проедешь две деревни и начнёшь въезжать уже в третью, тогда скажешь первой женщине, что встретиться тебе: «Здравствуй, мама!» Скажет она: «С чего ж это я твоя мать?» Ты скажешь ей: «А ты что забыла, когда на базар пошла, на дороге корзинку со мной поставила и потеряла?» Тогда она сможет она вспомнить, да не признать. А жене твоей с тобой быть до тех пор, пока кто-то у нее крылья её украдет, так что ты береги их у себя подмышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.